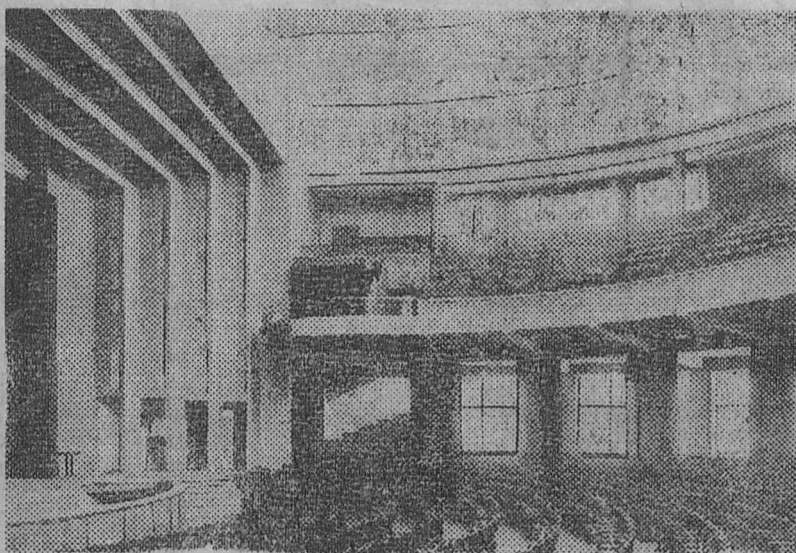


Заслуженный деятель искусств Ф. Каверин

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ

ДАТЫ И ВЕХИ РОСТА ГОСУДАРСТВЕННОГО НОВОГО ТЕАТРА



Коротка наша история, но и в ней, как в жизни и развитии каждого из организмов, слагающихся в огромный массив советской культуры, — целые эпохи, периоды. За каждым из товарищей, выходящих каждый вечер на свою любимую сцену, к своему ставшему близким и родным рабочему-зрителю, — своя история, иногда очень осложненная, иногда удивительная своей простотой. Следовало бы написать целые книги о том, как Октябрь иногда с настойчивой мягкостью, иногда с товарищеской непреклонной суровостью входил в творческую жизнь коллектива, завладевал репертуаром, проникал в куски ролей и монологов, в интонации, в штрихи грима, захватывал самое существо работы коллектива и, наконец, становился в театре всем — сердцем, пульсом, вдохновением и мыслью. Следовало бы написать и уже пишутся эти книги, которые должны иметь честь и право стоять на тех же полках, где встанут «История гражданской войны» и «История заводов».

Чем мы жили?

Ученики школы Малого театра, в первые годы революции мы видели и чувствовали волю партии сберечь для пролетариата лучшее из культурного наследия прошлого. Мы видели ту заботливость, с какой пролетариат, среди голода, войны, блокады, разрухи, охранял старейший русский театр, его прекрасных мастеров, его традиции, и мы с любовью и волнением старались изучить и освоить то, что стареющие ветераны сцены несли в своем мастерстве новому зрителю.

Сохранив богатое наследство старого театра, получив первую возможность после боев подойти вплотную к вопросам пролетарской культуры, партия потребовала не простого, а критического усвоения этих огромных богатств. Она требовала проверки, пересмотра, отбора ценного, здорового, бодрого в этом искусстве прошлого. И мы, окончивая школу, со страстью и с волнением на чтениях, собраниях, репетициях и спектаклях — были заняты этим пересмотром. Мы искали «своего толка», мы хотели

внести свое и новое в мощный поток обновленного революцией театра. Но мы были молоды и искали не самое главное. Мы больше думали о «новом вине», чем о «новых мехах». Мы совершенно искренно и увлеченно полагали, что гольдониевские «Бабы сплетни», украшенные танцем, пением, акробатикой, не прячущие от зрителя радости актерской игры, — это есть революция в театре, этой революции служили страстно, жертвенно, фанатично.

Обосновавшись на собственной квартире, мы нашли существо своей работы в радостной и иронической шутке. Мы развились в «Киноромансе», пели и танцевали в шкваркинских водевилях, разоблачали трафареты дореволюционной романтики, увлекались маслянистым балаганным разгулом в «Замоскворечьи» Островского.

Коллектив театра ищет серьезной и глубокой темы. Осмысл многое в прошлом и будущее, застрявшее в настоящем, он стремится по-новому и глубоко проникнуть в социальную суть показываемых событий («Без вины виноватые»). Он ищет своих красок и тонов для показа окружающей действительности, считая недостаточным передавать будничным языком дореволюционного реалистического театра торжественный и буйный разлив октябрьской весны. Он совершает целый ряд ошибок, но эти ошибки всегда искренни, как искренно и сознание в них. Рапповская положила едва совсем не сбивает с дороги коллектив, но оставляет огромный положительный след, поставив основной для художника вопрос о мировоззрении, обративший каждого к философии марксизма, питающей теперь каждый наш творческий шаг.

И опять в глазах всего мира поражающий пример чуткого руководства партийным фронтом искусства — 23 апреля. Во всю ширь встает проблема социалистического реализма. Маленькая студия превращена в большой театр. Детство, отрочество, юность окончены. Коллектив окрепших молодых мастеров, выросшая режиссура, крепкая связь с советским драматургом, повседневное, непрерывное общение с партией, заводом, Красной армией и колхозом — приводят нас к настоящей творческой зрелости.

И внутри нас созрели большие мысли, большие чувства. С волнением осуществляя наши новые работы, не пугаясь ошибок, потому что мы знаем, с какой чуткостью относится к этим ошибкам единственный в мире зритель нашей страны, вступаем мы в зрелую пору жизни нашего театра.

Вот что следует прочесть под короткой фактической справкой, такой обычной для нашей эпохи.

Студия Малого театра образовалась в 1922 г. из открытой в 1918 г. школы Малого театра. В 1925 г. была выделена в самостоятельный организм и помещена в Сретенском театре. При поддержке общественности в 1928 г. переведена в большое помещение (Б. Гнездиловский пер.). Через четыре года работы переведена в новое большое здание Дома правительства и переименована в Государственный новый театр.